

ЭСКИЗЪ
законодательныхъ предположеній.

НАБРОСИЛЪ
И. О. КОРВИНЪ-МИЛЕВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

ЭСКИЗЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ

набросалъ
И. О. Корвинъ-Милевскій

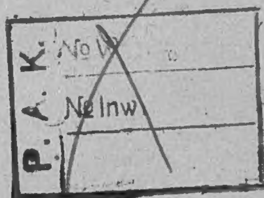

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
190[illegible]

ЭСКИЗЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ.

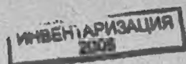
НАБРОСИЛЪ
И. О. КОРВИНЪ-МИЛЕВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

С.-Петербургъ. Типо-Литографія Шака, Загородн., 21. Телеф. 202-47.

Поставивъ послѣднюю точку въ концѣ настоящаго этюда, нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о его генезисѣ и цѣли.

Послѣ второго совѣщанія группы центра Государственнаго Совѣта, гдѣ обсуждался вопросъ: „Слѣдуетъ-ли Государственному Совѣту воспользоваться своимъ правомъ иниціативы“ и гдѣ онъ, несмотря на довольно единодушное настроеніе собранія, остался открытымъ, для меня стало яснымъ, что, вопреки видимой логикѣ, необходимо не исходить отъ принципа до его примѣненій, а отъ возможности примѣненій подняться до принципа: взять поочередно нѣсколько предметовъ и спросить себя: стоятъ-ли они возбужденія по нашей иниціативѣ и есть-ли возможность дать такимъ предположеніямъ практическое осуществленіе?

Дѣйствительно, я сдаю мой трудъ въ типографію, а группа центра еще не покончила съ принципомъ. Надѣюсь, что мой „эскизъ“ будетъ тою легкою вибраціею, которая иногда достаточна, чтобы сконденсировать висящіе въ воздухѣ пары.

Я предлагаю на обсужденіе моихъ высокоуважаемыхъ коллегъ не проектъ, а набросокъ, мысль. Потому-то я не желалъ нарядить ее въ надменную и скучную форму доклада, а выпустилъ мой трудъ такъ, какъ онъ вышелъ изъ подъ моего пера.

Едва-ли нужно, слѣдовательно, прибавить, что онъ не имѣетъ претензіи выражать взгляды группы центра, или хотя бы представителей Западныхъ Окраинъ.—Я говорю за себя одного.

Наконецъ, живость нѣкоторыхъ мною выставляемыхъ картинъ не слѣдуетъ приписать какой-либо горечи; но старый публицистъ знаетъ, что масляныя картины лучше останавливаютъ вниманіе, чѣмъ рисунки.

И. Корвинъ-Милевскій.

7 Марта 1907 г.

О систематичности въ законодательствѣ.

На совѣщаніяхъ группы центра Государственнаго Совѣта почти единогласно были выражены слѣдующія основныя воззрѣнія на осуществленіе Государственнымъ Совѣтомъ своего права законодательнаго почина:

1. Предметомъ инициативы Государственнаго Совѣта должны быть не законы т. н. политическіе, разсчитанные на эффектъ, а законы дѣловые, организаціоннаго, экономическаго и т. п. характера.

2. При выборѣ предметовъ новыхъ законоположеній или исправленія существующихъ законовъ слѣдуетъ избѣгать конкурренции съ законодательнымъ почином самого правительства или же Государственной Думы. Но здѣсь можно смѣло сказать, что за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихся поочередно въ нашей государственной жизни законодательнаго паралича и законодательной лихорадки собралось столько залежей и столько развалинъ, что на долгое время хватитъ простора для творческой энергіи всѣмъ тремъ органамъ законодательной власти,—правительству, нижней палатѣ и верхней.

На совѣщаніяхъ центра Государственнаго Совѣта не было упомянуто объ общей систематичности въ выборѣ и согласованіи предметовъ нашего законодательнаго почина. Но среди бюро группы раздался одинъ, очень авторитетный, голосъ, утверждавшій, что такъ какъ всѣ 16 томовъ Св. Зак. Рос. Имперіи или устарѣли, или представляютъ множество несовершенствъ, пробѣловъ и противорѣчій, то Государственному Совѣту пришлось бы или взять на себя геркулесовый трудъ планомѣрной передѣлки всего россійскаго законодательства, или обречь себя на суетливую и безплодную работу. Понятно, что подобную задачу могло бы взять на себя, въ каждомъ краѣ, только правительство, т. е. министерство, подъ условіемъ, что оно было бы: чрезвычайно

прочнымъ — чрезвычайно устойчивымъ — свободнымъ отъ давленій всякихъ внѣшнихъ вліяній или событій, и, наконецъ....... геніальнымъ.

Я считаю этотъ взглядъ ошибочнымъ, и сверхъ того опаснымъ, какъ способный насъ напрасно обезкуражить; надѣюсь его опровергнуть.

Одновременное, или даже постепенное, но систематическое, строго развивающееся согласно логически начертанному плану, преобразованіе всего законодательства громадной и уже довольно далеко шагнувшей по пути цивилизаціи страны слѣдуетъ отнести къ числу утопій: оно, во-первыхъ, нежелательно, во-вторыхъ, неосуществимо и, въ-третьихъ, оно не находитъ въ исторіи фактической поддержки.

1. Оно нежелательно: лишь разнымъ „отрожденцамъ"— обновленцамъ или „воскресенцамъ", страдающимъ, какъ французы конца XVIII столѣтія, спеціальною умственною заразою, упоеннымъ литературною музыкою простыхъ художниковъ, какъ Руссо и сіятельный пахарь изъ Ясной Поляны, простительно полагать, что можно законодательствовать на почвѣ огромнаго народа съ тысячелѣтнимъ прошлымъ такъ, какъ строиться на степи. Практическіе люди знаютъ, что всякое полезное законодательство можетъ только санкціонировать, упорядочить или улучшить существующіе и постоянно развивающіеся условія и нравы, и слѣдовательно преобладающими его качествами должны быть не такъ гармонія и строгая логичность, какъ гибкость и своевременность.

2. Оно неосуществимо, потому что одна только разработка и редакція подобнаго систематическаго законодательства требовала бы десятковъ лѣтъ: за это время условія измѣнились бы, люди тоже, и въ день обнародованія „обновленческаго" законодательства на заранѣе опредѣленныхъ началахъ, оно, придерживаясь этихъ началъ, уже не согласовалось бы съ новыми условіями или, согласуясь съ ними, отступало бы отъ раньше опредѣленныхъ началъ.

3. Исторія, если оставить въ сторонѣ полу-легендарныхъ и производившихъ свои эксперименты надъ крошечными городками древнихъ законодателей, представляетъ только два примѣра такихъ универсальныхъ законодательныхъ реформъ, которые и выдвигаются впередъ тѣми, кто мечтаютъ о систематическомъ законодательномъ возрожденіи.

Одинъ изъ нихъ въ моихъ глазахъ рѣшительно отрицательный: Петръ Великій, при своемъ полновластіи, геніи и необузданной энергіи, успѣлъ только окрасить поддѣльной чужестранной политурой верхніе слои общества, до глубокихъ массъ не проникъ; такимъ образомъ вырылъ между ними нынѣ всѣхъ ужасующую пропасть, и навсегда, можетъ быть, искалѣчилъ свой народъ.

Что же касается французской революціи и Наполеона I, то принятая обыкновенно оцѣнка ихъ законодательнаго дѣла страдаетъ жалкою поверхностностью: французская революція уничтожила не мало вреднаго, множество драгоцѣннаго, почти ничего не создала. Что же касается Наполеона, строившаго дѣйствительно на развалинахъ, то его заслуга состоитъ именно въ томъ, что онъ сумѣлъ отстроить страну— изъ тѣхъ же старыхъ матеріаловъ; онъ поступилъ какъ искусные итальянскіе реставраторы, которые изъ кусковъ разбитаго мрамора, тщательно ихъ подбирая, пополняя пробѣлы, возобновляютъ старинную статую и вновь ставятъ ее на пьедесталъ. Его префекты и ихъ компетенція—это бывшіе интенданты. Его Conseil d'Etat—бывшій Grand Conseil.— Девять десятыхъ кодекса Наполеона находятся въ дѣлахъ Потье (вся книга объ обязательствахъ почти дословно копирована), три четверти кодекса гражд. судопр. находятся въ кодексѣ Людовика XIV и т. д.

Между тѣмъ на нашихъ глазахъ, во второй половинѣ послѣдняго столѣтія, особенно съ 1867 г., Англія, безъ всякаго систематическаго плана, подъ руководствомъ то консервативныхъ, то либеральныхъ министерствъ, совершила надъ собою безъ капли крови, безъ слезы, почти тайкомъ, рядъ законодательныхъ реформъ неизмѣримой важности, разводящихъ свои корни во всѣ слои народной почвы, свои вѣтви по всѣмъ направленіямъ народной дѣятельности.— И тихо перестроила все строеніе, не нарушая фасада, благодаря постепенной, безпрерывной...... и всегда эмпирической дѣятельности.

Прочитанная намъ 6-го марта программа министерства тоже довольно торжественно провозглашаетъ принципъ такого планомѣрнаго переустройства почти всего законодательства. Но сейчасъ отсутствіе въ программѣ хотя бы отдаленнаго намека на преобразованіе условій гражданской службы

и служебнаго персонала, а также ограниченіе своихъ заботъ лучшимъ *обученіемъ* молодежи, безъ намека на ея *перевоспитаніе*, обнаруживаютъ безнадежное намѣреніе изготовить новый продуктъ, не измѣняя ни матеріала, ни механизма. Такъ-то при подобной погонѣ за идеальнымъ совершенствомъ всегда обнаруживается одновременно и желаніе и безсиліе его достигнуть.—Потому, оставимъ въ сторонѣ грандіозные планы, и... laboremus.—

Да будетъ мнѣ разрѣшено дать хорошій примѣръ, и указать на рядъ такихъ желательныхъ законныхъ мѣропріятій; другіе иниціаторы найдутъ еще сотни иныхъ, необходимыхъ и очень полезныхъ.

I. Преобразованіе Правительствующаго Сената.

На совѣщаніяхъ группы центра статсъ-секретарь Е. И. В. А. А. Сабуровъ указалъ на необходимость преобразованія Сената; въ перечнѣ проектовъ, вырабатываемыхъ правительствомъ для внесенія въ Государственную Думу, значится: „Преобразованіе прежняго устройства Департаментовъ Прав. Сената". Изъ этого заглавія уже видно, что правительство предполагаетъ сохранить и зданіе и внутреннее устройство, а только—перемѣстить обстановку.

Изъ краткихъ разъясненій А. А. Сабурова я понялъ, что онъ идетъ дальше; намекая на расширеніе компетенціи Сената, на возведеніе его на высоту верховнаго трибунала, способнаго въ особенности осуществить законную отвѣтственность должностныхъ лицъ, онъ уже заноситъ руку на внутреннія стѣны и перегородки, но, кажется, къ зданію не прикасается.

Я же полагаю, что, согласно съ новой государственной архитектурой, для такого зданія уже мѣста нѣтъ, а крайне необходимо имѣть не менѣе двухъ совершенно разнаго типа, и что между старымъ и новыми зданіями не должно остаться никакой иной связи, какъ только использованіе тѣхъ же матеріаловъ, т. е. личнаго состава.

Но прежде всего необходимо опредѣлить недостатки, въ освѣщеніи конституціонныхъ началъ, нынѣшней организаціи и компетенціи Прав. Сената.

Со слѣдующимъ, кажется, всѣ согласятся.

Настоящая роль Прав. Сената въ Государствѣ и его престижъ передъ общественнымъ мнѣніемъ не отвѣчаютъ его торжественному названію и историческому прошлому. Это обусловливается, кромѣ постепенной потери имъ въ пользу другихъ учрежденій значительной части его первоначальныхъ функцій, еще чрезвычайной разнородностью оставшихся за нимъ функцій и многочисленностью его номинальнаго личнаго состава.

а) Сенатъ имѣетъ, начиная отъ несогласной уже съ конституціоннымъ режимомъ законодательной компетенціи, массу другихъ, разнородныхъ, сплошь до самыхъ маловажныхъ (межевой, герольдійной), не воплощая въ себѣ ни одной исключительно, даже судебной. Эта многочисленность функцій, изъ коихъ, напримѣръ, двѣ цитированныя выполнялись бы въ другихъ странахъ какими-либо отдѣленіями или столами при одномъ изъ министерствъ, не увеличиваетъ, а уменьшаетъ его внѣшній авторитетъ. Простой смертный придаетъ болѣе значенія (хотя бы потому, что лучше его понимаетъ) учрежденію, въ которомъ онъ видитъ полнаго и исключительнаго хозяина какой либо даже неособенно широкой части Государственной власти, чѣмъ такому, которое всего касается, ничего вполнѣ не обнимаетъ и, слѣдовательно, ничего не олицетворяетъ.

б) Численность личнаго состава Сената, доходящая номинально, кажется, до 200 лицъ, носящихъ званіе сенаторовъ, тоже вредитъ его авторитету. Публика не знаетъ, что слишкомъ 60 сенаторовъ никогда нигдѣ не засѣдаютъ, а что прочіе разбросаны во многихъ департаментахъ, которые при правильномъ распредѣленіи функцій составляли бы отдѣльныя учрежденія; она видитъ множество лицъ, носящихъ одно званіе, она привыкла смѣшивать понятіе о качествѣ съ понятіемъ о рѣдкости.—Дѣйствительно, если мы взглянемъ, наприм., на верховные суды крупныхъ западныхъ государствъ, мы увидимъ, что, начиная отъ единственной въ своемъ родѣ американской Supreme Court, мимо англійской High Court, до французской кассаціонной палаты и германскаго импер-

скаго трибунала, авторитетъ ихъ идетъ параллельно не только съ ихъ властью, но и съ малочисленостью ихъ состава: американская Supreme Court, которая не только исключаетъ парламентъ въ разрѣшеніи всякихъ споровъ между Штатами, но осуждаетъ и пріостанавливаетъ изданные законодательными палатами законы, состоитъ всего изъ девяти лицъ; англійская High Court,—изъ 20 слишкомъ, французскій и нѣмецкій верховные суды—приблизительно изъ 60-ти.

Всего болѣе терпятъ отъ сосѣдства постороннихъ департаментовъ судебный и кассаціонные департаменты Сената. Они, собственно, по своей компетенціи очень близки къ французскому и германскому верховнымъ судамъ. Но они несомнѣнно не пользуются передъ общественнымъ мнѣніемъ равнымъ съ ними престижемъ потому именно, что не выдѣляются изъ сплошного агрегата чуждыхъ правосудію, а носящихъ тождественное названіе, коллегій.

Наконецъ, мнѣ кажется, что присущее Прав. Сенату право разъясненія законовъ, въ той формѣ и тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ какъ оно проявлялось за послѣдніе мѣсяцы, уже не отвѣчаетъ нашему новому государственному строю.

Интерпретація законовъ такъ, какъ она понимается во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, кромѣ одной, проявляется только путемъ примѣненія законовъ къ конкретнымъ случаямъ и составляетъ юриспруденцію, т. е. практику; всѣ прочія законы примѣняющія инстанціи (и даже та, которая ее установила) смотрятъ на эту юриспруденцію какъ на руководство, не какъ на обязательное указаніе. Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно новымъ основнымъ законамъ, даже сохранившееся за Верховною Властью право изданія постановленій „въ порядкѣ Верховнаго управленія“ подразумѣваетъ только исполненіе законовъ въ опредѣленныхъ ими рамкахъ, но не разъясненіе въ видахъ расширенія или ограниченія точнаго ихъ смысла на всѣ будущіе случаи.

Правомъ издавать общія, обязательныя во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, разъясненія закона пользуется только американскій федеральный судъ, этотъ „единственный въ мірѣ судъ“, какъ его называютъ юристы.—Но это Судъ. У насъ же пользуются такимъ правомъ не кассаціонные департаменты, составляющіе исключительно судебное учрежденіе, а именно

тѣ, которые остались органами управленія, т. е. административные.

Общественное мнѣніе можетъ, пожалуй, какъ въ Америкѣ, признать такое, конкуррирующее съ законодательнымъ, право за судомъ, если его прошлое позволяетъ ему повторить гордыя слова предсѣдателя стараго парижскаго парламента: La Cour rend des arrêts et non des services.—Но только за судомъ, никогда за административнымъ учрежденіемъ, какъ бы высоко оно ни стояло. Между тѣмъ, именно вступившая на конституціонный путь страна, особенно такая, въ которой ни борцы за порядокъ, ни борцы за свободу пока не знаютъ другого способа воздѣйствія на людей какъ страхъ и принужденіе, такая страна настоятельно нуждается въ окруженномъ всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ верховномъ судѣ. Только такая верховная судебная палата могла бы осуществить надежды на введеніе дѣйствительной, и однако-жъ неопасной для всякой власти, отвѣтственности должностныхъ лицъ, которую многіе граждане оцѣнили бы болѣе, чѣмъ разныя громкія „свободы".

Не менѣе необходимо также совершенно отдѣльное и по компетенціи, и по происхожденію и составу, слѣдовательно, по названію, высшее административное учрежденіе, исполняющее всѣ функціи, нынѣ присущія 1-му Департаменту Сената, которое бы кромѣ того обсуждало и подготовляло изданныя въ порядкѣ Верховнаго управленія обязательныя мѣры, пожалуй даже законопроекты въ тѣсномъ значеніи слова; во всѣхъ странахъ, гдѣ они составляются чиновниками министерствъ (а тѣмъ паче членами парламента), они составляются очень неудовлетворительно въ техническомъ отношеніи.

Такое высокое административное учрежденіе естественно унаслѣдовало-бы большинство напрасно обременяющихъ нынѣ совѣтъ министровъ обязанностей бывшаго комитета министровъ, а также двухъ давнишнихъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, пережившихъ, вопреки здравымъ началамъ, преобразованіе его въ высшую Палату Парламента.

Конечно, дальнѣйшихъ подробностей не указываю; среди Государственнаго Совѣта есть не мало сенаторовъ, „воспитанныхъ во дворцѣ и знающихъ его повороты", несравненно болѣе компетентныхъ, чѣмъ я.

II. Реформа условій гражданской службы.

Можно удивляться, что въ то время, какъ почти всѣ недуги Россіи, справедливо и несправедливо, взваливаются на злополучную бюрократію, на „русскій мандаринатъ“, и много тайныхъ совѣтниковъ не произносятъ слова „чиновникъ“ безъ особой интонаціи, намъ не пришлось еще ни въ одной программѣ встрѣтиться съ мыслью о коренной реформѣ условій гражданской службы и служебныхъ кадровъ.

Объявленная 6-го марта обширная программа министерства о такой реформѣ вовсе не упоминаетъ, и позволительно опасаться, чтобы авторы этого грандіознаго плана, послѣ его осуществленія и когда настанетъ время примѣненія его деталей, не испытали правдивость англійской пословицы: Not laws, but men. — Давайте не законы, а людей.

Не присоединюсь я къ популярнымъ нынѣ анаѳемамъ на „мандаринатъ“, ибо знаю, что большинство приписываемыхъ мандаринамъ грѣховъ суть недостатки народные, которые въ равной степени обнаруживаютъ снизу до верху сельскохозяйственные, промышленные, общественные и т. п. братья, сыновья и племянники проклинаемыхъ бюджетоѣдовъ; что снизу до верху сравненіе съ заграничными людьми послужило бы не болѣе въ нашу, нечиновныхъ людей, пользу, чѣмъ сравненіе нашего служебнаго персонала съ нѣмецкимъ или англійскимъ. Однако несомнѣнно и то, что въ условіяхъ гражданской службы, мало измѣнившейся въ Россіи за два столѣтія, въ распредѣленіи должностей, въ способѣ вознагражденія, отвѣтственности, производства, повышенія и проч. есть много особенностей, усиливающихъ еще присущее всякой бюрократіи отстраненіе отъ общества, возведеніе себя въ полубоги, или меньшія дроби, и что все это можетъ быть въ значительной степени исправлено законодательнымъ путемъ.

Я воздержусь также отъ повторенія обычнаго упрека бюрократіи, будто у насъ слишкомъ много всякаго рода людей двадцатаго числа и половину этихъ непродуктивныхъ людей слѣдовало бы разогнать по продуктивнымъ профессіямъ. Изъ статистики Менделѣева я усматриваю, что во всей

Имперіи всѣхъ состоящихъ на гражданской и общественной службѣ лицъ, до городовыхъ включительно, есть 336.000 человѣкъ. Въ сравненіи съ Германіей. Франціей и Англіей (включая, конечно, такихъ же ѣдоковъ не государственнаго, а крупныхъ локальныхъ — по самоуправленію — бюджетовъ) это не слишкомъ много, это слишкомъ мало. Но они распредѣлены неумѣло: не ради нашего, гражданъ, а ради ихъ собственнаго удобства. Ихъ пропасть тамъ, гдѣ они не нужны, —въ столицѣ и въ губернскихъ городахъ, разныхъ состоящихъ, числящихся, помогающихъ, исполняющихъ и т. п., а ихъ почти нѣтъ тамъ, гдѣ они необходимы,—на улицѣ, въ деревнѣ.

Оставляя тоже въ сторонѣ детали, полагаю, что главными началами желательной реформы должны бы быть слѣдующія:

1.—Упраздненіе номинальныхъ чиновъ (т. е. табели о рангахъ), которые зачастую придаютъ чиновникамъ характеръ мандариновъ, воспитываютъ въ нихъ раздражительное для прочихъ гражданъ самообожаніе и заставляютъ ихъ жить по масштабу, не соотвѣтствующему ихъ средствамъ. Госпожа предсѣдательша какой-либо нѣмецкой или французской коллегіи ежедневно ходитъ на базаръ за провизіей. Можно-ли этого требовать отъ Ея Превосходительства?

Вообще, кромѣ званія, къ концу долгой карьеры, почетныхъ: судьи, губернатора и т. п., не должно бы быть никакихъ оффиціальныхъ званій, не связанныхъ съ соотвѣтстующей должностью. Зато при классификаціи должностей и жалованій классы должны опредѣляться такъ, чтобы хорошіе исполнители могли получать повышеніе безъ перемѣщенія. У насъ постоянно случается, особенно съ бойкими губернаторами, прокурорами, полицiймейстерами и т. п., что они въ видѣ награды переводятся въ болѣе важный городъ къ тому именно времени, когда они, ознакомившись съ мѣстностью и населеніемъ, сдѣлались дѣйствительно полезными.

2.—Введеніе строгихъ правилъ поступленія на службу, въ большинствѣ случаевъ съ непремѣннымъ образовательнымъ цензомъ, гдѣ возможно по конкурсу, авансированія, увольненія со службы; мы всѣ, обыватели, отлично знаемъ по опыту, что грозный третій пунктъ, нынѣ замѣненный внушеніемъ добровольной отставки, гораздо болѣе страшенъ для

тѣхъ непроворныхъ чиновниковъ, которые не ладятъ съ начальствомъ, чѣмъ для тѣхъ преступныхъ, которые не ладятъ съ закономъ. Въ дѣйствительности всѣ должностныя лица, исполняющія активныя политическія функціи (напр., дипломаты, прямые агенты М. В. Д., полиція, въ опредѣленныхъ границахъ даже прокуратура) должны быть въ рукахъ у своего начальства, какъ дисциплинированное войско; прочіе должны быть гарантированы отъ личной фантазіи.

3.—Упраздненіе совершенно неправильныхъ въ принципѣ, произвольныхъ со стороны начальства и устарѣлыхъ формъ вознагражденія (лучше сказать фаворитизма), какъ-то: назначеніе жалованья не по штату, а по личному усмотрѣнію начальства, хотя бы самаго высокаго, прогоновъ по старому почтовому разсчету, такъ-наз. арендъ, неограниченныхъ пособій „на подъемъ" и т. п. съ замѣною ихъ, какъ вездѣ, гратификаціей въ столько-то %-въ и возмѣщеніемъ дѣйствительныхъ издержекъ по разсчету.

4.—Упраздненіе громаднаго числа совершенно праздныхъ должностей, составляющихъ наверху дорого стоющія синекуры, на низу отвлекающихъ молодыхъ людей отъ продуктивнаго труда:—первыхъ, путемъ погашенія, вторыхъ—путемъ простого предложенія молодымъ лежебокамъ принять въ деревнѣ дѣйствительно полезныя должности, которыхъ предполагаемая административная реформа откроетъ множество, или пріискать себѣ частное производительное занятіе.

Не могу не отмѣтить дурного вліянія на служебный персоналъ принятой донынѣ во всѣхъ окраинахъ системы замѣщенія должностей въ цѣляхъ искусственнаго „обрусенія"— и преобладающаго значенія, которое придается ихъ дѣятельности съ этой именно точки зрѣнія.—Слава Богу, уже прошло то время, когда славную сатиру Щедрина: „Господа ташкентцы" можно было озаглавить: „Господа виленцы". Тѣмъ не менѣе, въ высшихъ должностяхъ, не смотря на способность и честность тѣхъ, кто ихъ занимаютъ, постоянно обращенное на „политику" вниманіе воспитываетъ у нихъ привычки, при которыхъ „инструкціи" и даже словесныя „направленія" слишкомъ затемняютъ законъ; а въ низшихъ должностяхъ систематическое исключеніе мѣстныхъ элементовъ воспитываетъ у пріѣзжихъ убѣжденіе, что они необходимы.

Недостатокъ времени, а еще болѣе спеціальной подготовки, удерживаютъ меня отъ дальнѣйшихъ указаній касательно этой важной реформы. Но я смѣю утверждать, что она можетъ быть проведена только Государственнымъ Совѣтомъ, и только на настоящемъ поворотѣ государственной эволюціи.

Только Государственнымъ Совѣтомъ, потому что Государственная Дума врядъ ли захотѣла бы и сумѣла бы довести до конца такой сложный и детальный трудъ. Нельзя тоже ожидать его и отъ министерствъ: нѣтъ такой либеральной страны, гдѣ бы вѣдомства любили, на подобіе Сатурна, пожирать своихъ дѣтей; они всегда только готовы размножать свою семью.

И реформу можно провести только въ настоящій моментъ; на первыхъ порахъ сопряженныя съ представительной системою гласность и контроль дѣйствуютъ—даже очень быстро—оздоровляющимъ образомъ на служебный персоналъ. Но примѣры Франціи, Англіи за послѣднее полустолѣтіе, даже съ нѣкотораго времени Соединенныхъ Штатовъ, доказываютъ, что, по мѣрѣ укрѣпленія въ странѣ конституціоннаго режима, тѣмъ паче парламентаризма, особенно по мѣрѣ ихъ демократизаціи, этотъ служебный персоналъ численно не уменьшается, что онъ не дешевѣетъ, его трудоспособность не увеличивается—скорѣе наоборотъ. Иначе быть не можетъ: разъ бюрократія, переживъ мощную руку какого-либо Петра Великаго или Наполеона, выгодно размѣстилась въ данной странѣ, то низшему и среднему ея слоямъ уже все равно, что тамъ происходитъ на верхахъ; непотизмъ, т. е. протекція, не исчезаетъ, онъ только перемѣщается и раздѣляется: къ нѣсколькимъ десяткамъ придворныхъ сатраповъ примыкаютъ сотни парламентарныхъ сатрапишекъ, которымъ нѣтъ разсчета уменьшать размѣры „казеннаго пирога“, потому что они всего болѣе вліяютъ на его раздачу, и эта раздача составляетъ главную силу ихъ въ глазахъ мѣстныхъ заправилъ выборной манипуляціи. У насъ раздача мѣстъ и должностей, какъ парламентарная монета, еще не завелась: доживемъ...

Можетъ быть, нѣтъ нынѣ въ Европѣ законодательной палаты лучше подготовленной для такой достославной задачи,какъ наша. Государственный Совѣтъ состоитъ на поло-

вину изъ людей, которые хотя не прошли административной карьеры, но на широкихъ поприщахъ сами испытали всѣ недостатки, съ точки зрѣнія гражданъ, нынѣшней организаціи гражданской службы, и на половину изъ людей, знающихъ подобные же недостатки съ точки зрѣнія государственнаго интереса, прошедшихъ всѣ ступени служебной лѣстницы, дожившихъ до своего „маршальскаго жезла“ и смотрящихъ на такіе недостатки такъ, какъ пожилой человѣкъ смотритъ на веселые эпизоды своихъ юныхъ лѣтъ.

Конечно, трудъ не малый, но результатъ стоитъ труда.

III. Географически-административное подраздѣленіе уѣздовъ.

Министерская программа упоминаетъ о „преобразованіи уѣзднаго и низшаго мѣстнаго управленія, участковаго, волостного и поселковаго“. Извѣстно уже, что подъ этимъ нужно разумѣть замѣну участковыхъ земскихъ начальниковъ такими же, имѣющими всесословную компетенцію и болѣе широкій районъ, и субъ-агентами губернаторской власти (по программѣ 6-го марта т. н. комисарами).

Я же имѣю въ виду нѣчто совершенно иное.

Существующее въ Россіи почти безъ измѣненія съ Екатерининскихъ временъ географически-административное подраздѣленіе Имперіи представляетъ собственно только одну вполнѣ организованную единицу—это губернія. А, за исключеніемъ Царства Польскаго, наша губернія равняется Сербскому или Вюртембергскому королевству. Ниже губерніи, уѣздъ уже составляетъ только частичное развѣтвленіе государства; на немъ кончается организація, и дальше существуютъ уже только болѣе или менѣе густо накрапленные, какъ бы пятнистые слѣды спеціальныхъ государственныхъ функцій. Самъ уѣздъ имѣетъ двѣ будто бы главы—предводителя дворянства и исправника, дѣйствующихъ параллельно по совершенно различнымъ направленіямъ, большинство же существующихъ въ уѣздѣ представителей центральныхъ

вѣдомствъ не подлежатъ руководству, даже надзору ни того, ни другого. За предѣлами уѣзднаго города начинается административная пустыня: ибо полицейскій станъ, который могъ бы служить третьей степенью административнаго подраздѣленія, такъ и остался всѣми другими вѣдомствами игнорируемымъ раздѣленіемъ уѣзда. Волость касается только одного сословія, а разбросанные то тутъ, то тамъ, помѣщающіеся въ случайно нанимаемыхъ домишкахъ представители того или другого вѣдомства, безъ связи между собой, изолированные, скучающіе до смерти и по всякому предлогу удирающіе въ уѣздный городъ, каждый по себѣ представляютъ отдѣльныхъ спеціалистовъ не только по предметной, но и по территоріальной компетенціи.

Такъ администрируются свѣже-завоеванныя степи, а не страна съ тысячелѣтнимъ прошлымъ. — Власть не должна быть кочевикомъ.

Предполагаемая со стороны министерства реформа губернскаго и уѣзднаго самоуправленія и учрежденіе мелкой земской единицы не устраняютъ этого зла. Мелкая земская единица—это всесословный муниципальный органъ; пробѣлъ между нею и реорганизованнымъ уѣздомъ пополняется только по отношенію къ одному вѣдомству, именно министерству внутреннихъ дѣлъ.

Прошу разрѣшенія. въ видѣ примѣра, привести фактъ, который со мною случился: вслѣдствіе злоупотребленій со стороны наслѣдниковъ скоропостижно скончавшагося арендатора моего винокуреннаго завода, за котораго я поручился на сумму около 40.000 р. акцизнаго сбора, я долженъ былъ въ теченіе самаго короткаго времени искать защиты: 1) помощника акцизнаго надзирателя, 2) мирового судьи, 3) судебнаго пристава, 4) судебнаго слѣдователя и 5) становового пристава. Каждый изъ нихъ имѣлъ отдѣльный округъ для своей территоріальной компетенціи, каждый проживалъ въ отдѣльной мѣстности, и, какъ бы мнѣ на зло, въ направленіяхъ, изображающихъ спицы колеса, ступицею котораго было мое имѣніе. Въ Пруссіи или во Франціи я бы всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ нашелъ въ chef-lieu d'arrondissement или Kreis-Stadt, какъ на ладони, а тутъ пришлось за трое сутокъ проскакать около трехсотъ верстъ.

Если припомнить, что прусская провинція (ихъ двѣнадцать) по пространству и народонаселенію равняется нашей губерніи и раздѣляется на Regierungsbezirke, а тѣ на такъназываемые крейзы, соединяющіе, подъ общимъ руководствомъ ландрата, подраздѣленія главныхъ вѣдомствъ, послѣднія же, наконецъ, на гемейнды (волости), — что между французскимъ департаментомъ (при среднихъ 6000 кв. верстъ и 400.000 жителей онъ гораздо болѣе похожъ на уѣздъ, чѣмъ на губернію) и коммуною, т. е. муниципальною единицею находится вполнѣ организованный arrondissement, имѣющій, подъ общимъ надзоромъ су-префекта, выборный совѣтъ (псевдо-земство), трибуналъ, гимназію, трехъ отдѣльныхъ представителей министерства финансовъ, командующаго жандармеріей капитана, обыкновеннаго и окружнаго агронома— далѣе еще идетъ кантонъ, имѣющій обязательно мирового судью, сборщика окладныхъ и пріемщика неокладныхъ сборовъ, жандармскаго вахмистра, а при 5.000 жителей полицейскаго коммиссара, — если имѣть въ виду богатство этихъ краевъ въ путяхъ сообщенія, — то слѣдуетъ признать, что между уѣздомъ и волостью есть у насъ громадная пустота, которую необходимо заполнить, и что въ такой административной единицѣ должны быть сосредоточены представители главныхъ, мѣстное населеніе интересующихъ, вѣдомствъ, наприм., министерства внутреннихъ дѣлъ, полиціи, мин. юстиціи, финансовъ, а въ будущемъ мин. народнаго просвѣщенія и земледѣлія.

Конечно, подобная общая организація должна быть согласована съ частичной, проектируемой нынѣ правительствомъ. Я полагаю даже, что она должна быть имъ же, а не нами, выработана; но именно признаніе Государственнымъ Совѣтомъ ея необходимости заставитъ правительство приступить къ этой разработкѣ, или же ее уступить Совѣту, который съ бѣдой пополамъ съ этимъ тоже справится.

IV. Жандармерія.

Еще полтора года тому назадъ нѣсколько десятковъ флибустьеровъ могли бы безопасно проѣхать всю Русско-евро-

пейскую деревню, отъ Либавы до Астрахани, заставить поочередно десятки милліоновъ людей поднять руки вверхъ, не встрѣтивъ ни одного представителя государственной силы, кромѣ одного урядника на каждую тысячу квад. верстъ, который бы тоже поднялъ руки и составилъ протоколъ.

Съ того времени мы обогатились институтомъ стражниковъ. Всякій, кто имѣлъ непріятность пользоваться ихъ услугами, знаетъ, что они, навербованные очень поспѣшно, далеко не представляютъ отборный матеріалъ и служатъ къ репрессіи, никакъ не къ предупрежденію преступленій. Спокойная же страна только та, въ которой на одно наказанное преступленіе сотни были предупреждены. Нынѣшніе стражники всего чаще въ удобный для предупрежденія моментъ трусятъ, а при репрессіи свирѣпствуютъ.

Между тѣмъ, если Странѣ не суждено, благодаря насильственному проведенію (всякое другое составляетъ невозможность) пропагандируемыхъ аграрныхъ переворотовъ, возвратиться въ настоящемъ поколѣніи къ дикой анархіи, въ слѣдующемъ—постепенному вымиранію населенія отъ голода, а въ третьемъ—къ забытію сохи и къ пасторально-кочевому быту, то можно навѣрно предвидѣть слѣдующее: такъ какъ поднятіе нравственности и уваженія къ чужому праву—дѣло многихъ лѣтъ, то постоянно возростающее воздѣйствіе законовъ 5-го и 9-го ноября 1906 года, разселеніе крестьянъ, дифференціація ихъ владѣній и хозяйствъ, соразмѣрно силамъ, труду и бережливости каждаго, т. е. разномѣрная разливка нынѣшняго крестьянскаго моря, должны еще увеличить въ деревнѣ число посягательствъ на чужую собственность. Нынѣ всего чаще хищникомъ является цѣлая сословная масса, жертвою—сравнительно крупная индивидуальность. Тогда, и до окончанія процесса осадки новосозданныхъ слоевъ деревенскаго населенія, борьба хищническихъ инстинктовъ съ собственностью приметъ форму belli omnium contra omnes—оптовое воровство уступитъ мѣсто розничному.

Тогда жизнь для самого крестьянина будетъ невозможною, если не будетъ всегда подъ рукой силы одновременно спокойной и рѣшительной, т. е. дисциплинированной, способной своимъ всегда ожидаемымъ появленіемъ не такъ держать въ страхѣ преступниковъ-спеціалистовъ, которыхъ не очень много, какъ удержать отъ соблазна случайныхъ воришекъ-

любителей, которыхъ милліоны, если мѣстные представители административной и судебной власти, а также сами граждане, не будутъ увѣрены, что всегда, согласно красивому французскому выраженію,—„сила останется за закономъ“.

Какъ это обезпечить?

Здѣсь нечего выдумывать, достаточно копировать: необходима жандармерія, составленная изъ отборныхъ отставныхъ солдатъ, съ военною организаціею, обмундированіемъ, іерархіею и дисциплиною, причисленная къ мѣстнымъ корпусамъ, какъ послѣдній резервъ вооруженныхъ силъ государства, но въ распоряженіи всѣхъ представителей закона въ исполненіи своихъ обязанностей, распредѣленная по уѣзду небольшими постоянными постами, половина состава на дежурствѣ, половина же на постоянныхъ разъѣздахъ. Частая встрѣча такихъ ангеловъ-сторожей уже предупредила бы девять десятыхъ поджоговъ и конокрадствъ, этихъ болячекъ крестьянскаго быта.

Министерская программа 6-го марта 1907 г. говоритъ только объ „объединеніи полиціи жандармской и общей и о снятіи съ жандармскихъ чиновъ обязанности по производству политическихъ дознаній“.

Это очень далеко отъ того, что я имѣю въ виду. Присутствіе, хотя бы при каждомъ новосозданномъ комиссаріатѣ, жандармскаго капитана можетъ обезпечить скорѣйшую репрессію, но не предупрежденіе; ужъ лучше было бы имѣть жандармовъ безъ капитана, чѣмъ капитана безъ жандармовъ. Такая жандармерія какъ та, которою пользуются западныя государства, состояла бы, среднимъ числомъ, изъ не менѣе, чѣмъ сотни жандармовъ на уѣздъ.

Необходимость такого института должна быть очевидной для сторонниковъ дѣйствительной законности: для ея враговъ не менѣе очевидна его опасность.

V. Тюремная реформа.

Наряду съ предыдущимъ пунктомъ выдвигается впередъ и необходимость не реформы, а скорѣе учрежденія у насъ тюремной системы. Что такое у насъ въ 99 случаяхъ изъ 100

(особенно въ уѣздныхъ городахъ) тюрьма? Обыкновенное жилище, огороженное полугнилымъ деревяннымъ заборомъ, гдѣ необразованные преступники веселятся и занимаются взаимнымъ развращеніемъ, образованные выносятъ ужасныя нравственныя испытанія; гдѣ всѣ содержатся, какъ животныя, и откуда бѣгутъ процессіями какъ сами вздумаютъ.

Нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, является необходимымъ, чтобы во всякомъ уѣздѣ была хорошо устроенная, охраняющая заключенныхъ отъ физической и нравственной заразы, общество же отъ побѣговъ, тюрьма, въ которой: 1) подсудимые отдѣлялись бы отъ осужденныхъ, несовершеннолѣтніе отъ совершеннолѣтнихъ, мелкіе приступники отъ тяжкихъ и рецедивистовъ; 2) заключенные содержались бы по возможности малочисленными группами, безъ тѣни роскоши, но въ сносныхъ и гигіеническихъ условіяхъ; 3) необходимо введеніе достаточнаго количества тюремъ, приспособленныхъ для одиночнаго заключенія. Оно не только составляетъ единственный допустимый суррогатъ смертной казни, оно ещё имѣетъ одно преимущество, очень важное по отношенію къ нашему простолюдину; именно, возможность огромнаго сокращенія срока. Я увѣренъ, что одинъ мѣсяцъ одиночнаго заключенія дѣйствовалъ бы вѣрнѣе на неиспорченнаго окончательно преступника изъ низшихъ слоевъ общества, чѣмъ полгода общей тюрьмы; а наказаніе терпѣлъ бы онъ самъ, преступникъ, не его семья, обязательно нищающая отъ продолжительнаго отсутствія главнаго работника.

VI. Средняя школа.

Донынѣ все вниманіе общественнаго мнѣнія и правительства обращалось исключительно на низшую, народную, школу и на высшее, университетское или техническое образованіе. Среднее оставалось въ тѣни.

О народномъ образованіи есть правительственный проектъ, главныя основанія котораго были намъ сообщены г. министромъ народнаго просвѣщенія; пока о немъ нечего говорить.

Не скажу тоже ничего про высшее образованіе, потому что не знаю законодательнаго прибора, способнаго пичкать

наукой, какъ индюковъ кашею, взрослыхъ уже юношей, которые учиться не желаютъ.

Зато желаю остановиться на среднемъ образованіи. Министерская программа обѣщаетъ рядъ крупныхъ, особенно въ отношеніи ихъ стоимости, нововведеній по вѣдомству министерства просвѣщенія. Но всѣ касаются исключительно „знаній“ и „обученія“.—Слова „воспитаніе“ я въ этой программѣ не встрѣчаю и потому имѣю основаніе предполагать, что оповѣщенныя реформы не имѣютъ ничего общаго съ тою, которую имѣю самъ въ виду. Поясняю:

Если смотрѣть на школы всѣхъ трехъ степеней не только какъ на способы распространенія опредѣленныхъ, болѣе или менѣе широкихъ знаній, но и какъ на могучее средство поднятія общаго культурнаго уровня даннаго народа, то среднее образованіе, въ этой трилогіи, играетъ главную, рѣшающую роль. Безъ него даже превосходно организованная высшая школа не стоитъ ровно ничего, низшая—немного.

Относительно высшей это кажется яснымъ: во-1-хъ, наука, получаемая въ высшей школѣ, имѣетъ свою необходимую подкладку въ наукѣ, полученной въ средней; какъ степень растворимости химическихъ туковъ главнымъ образомъ зависитъ отъ почвы, на которую ихъ разсѣваютъ, такъ и степень ассимиляціи высшей науки обусловливается качествомъ и интенсивностью вынесенныхъ изъ средней школы знаній и умственной гимнастики. Нѣмецкіе и французскіе профессора единогласно свидѣтельствуютъ о неподготовленности къ ихъ преподаванію нашихъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Россіи, о связанной съ этимъ поверхностностью пріобрѣтаемыхъ ими знаній, болѣе заученныхъ наизусть, чѣмъ понятныхъ и „переваренныхъ“, объ очевидно низкомъ уровнѣ ихъ научнаго багажа послѣ окончанія курсовъ, въ сравненіи съ тѣми рѣдкими ихъ соотечественниками, которые прошли мѣстную среднюю школу. Во-2-хъ, есть и другое: въ январьскомъ номерѣ журнала „Le Correspondant“ г. Лебонъ разсказываетъ, что одинъ высокій петербургскій сановникъ спросилъ его: Какъ это вы дѣлаете, чтобы держать вашихъ студентовъ въ покоѣ?—Немного задумавшись, французъ отвѣтилъ: Это намъ легко, потому что наши студенты...... штудируютъ.

Не трудно учиться молодому человѣку, который вчера еще сидѣлъ на скамьѣ лицея или гимназіи, и 8 лѣтъ сряду имѣлъ ежедневно около 11 часовъ строго распредѣленныхъ, дѣйствительныхъ, наблюдаемыхъ и контролируемыхъ, занятій, такъ что для свойственнаго молодымъ людямъ—особенно сѣверныхъ расъ—„гамлетничанья“ не оставалось вовсе времени, — а очень трудно тому, который 8 лѣтъ сряду двѣ трети дня оставался безъ всякаго надзора, а половину дня безъ всякихъ занятій. Первый, переживъ такую восьмилѣтнюю гимнастику, сразу сумѣетъ распредѣлить свое время и принудить себя къ труду. Для второго необходима болѣзненная внутренняя борьба съ укрѣпившимися у него привычками.

Косвенное, но не менѣе важное, даже рѣшающее, значеніе имѣетъ средняя школа по отношенію не столько къ самой низшей школѣ, какъ учрежденію, сколько по отношенію къ посѣщающимъ ее низшимъ слоямъ общества и къ поднятію культурнаго ихъ уровня. Вотъ почему: наука и даже умственныя способности составляютъ для всякаго человѣка только орудіе, безполезное или даже опасное, если оно не имѣетъ соотвѣтствующей силы двигателя. А двигателемъ человѣка въ частной, тѣмъ болѣе въ гражданской жизни является не умъ или наука, а характеръ. — Характеръ родится, но еще болѣе воспитывается. Какъ быстрота, растяжимость или гибкость движеній, энергія и выносливость у лошади достигаются дрессировкой и тренингомъ, также аналогическія черты характера у человѣка развиваются и даже создаются не обученіемъ, а воспитаніемъ.

Но какъ же воздѣйствоватъ на такую тренировку...... всего народа? Государство можетъ до извѣстнаго уровня обучать народныя массы, оно никакъ не можетъ ихъ воспитывать, ибо воспитаніе начинается почти отъ колыбели, и, при невозможности созданія для десятковъ милліоновъ дѣтей сотни тысячъ пансіоновъ, воспитаніе, которое производится не во время уроковъ, а внѣ ихъ, остается въ рукахъ тѣхъ же полудикихъ родителей, въ ихъ избушкѣ или подвалѣ. Воспитаніе, т. е. нравственную тренировку низшіе слои всякихъ народовъ получаютъ, вотъ уже 40 или 80 столѣтій, единственно путемъ инфильтраціи, заразы отъ высшихъ слоевъ. Для этого, конечно, требуется, чтобы эти высшіе, интеллигентные слои были сами не только обучены, но и воспитаны.

Всякій, кто прожилъ хотя бы мѣсяцъ за границею, знаетъ, что тамъ три человѣка домашней прислуги производятъ болѣе дѣйствительныхъ услугъ, чѣмъ у насъ 12; что контора или магазинъ, требующіе у насъ 40 человѣкъ, тамъ довольствуются десятью, что на пограничной станціи Эйдкуненъ есть 16 носильщиковъ, а для одинаковаго числа пассажировъ и, пожалуй, тройного числа грузовъ въ Вержболовѣ 280. Такъ какъ нигдѣ носильщики или простая прислуга не проходятъ академіи, то ясно, что разница кроется не въ умѣ—наукѣ, а въ характерѣ—воспитаніи. Но могутъ ли воспитать прислугу баринъ или барыня, рабочихъ и приказчиковъ — хозяинъ, сосѣдей - крестьянъ — помѣщикъ или помѣщица, которые сами всю жизнь проводятъ въ неурядицѣ и лѣни, могутъ ли руководить другими тѣ, кто не умѣютъ руководить собою? Воспитывать другихъ — невоспитанные?

J'ai lâché le grand mot. — Да, наша интеллигенція въ громадномъ большинствѣ болѣе или менѣе обучена, но она вовсе не воспитана. Конечно, я понимаю слово „воспитаніе“ не въ смыслѣ утонченныхъ манеръ, умѣнья пріятно или элегантно держаться въ гостиной: въ этомъ отношеніи мы обыкновенно превосходимъ нѣмцевъ и французовъ, особенно изъ среднихъ сословій. Но утонченность манеръ и вкуса, достигающая своего апогея у декадентовъ, близка къ изнѣженности такъ-же, какъ энергія—къ жесткости. Я говорю не о воспитаніи танцоровъ, а о воспитаніи гражданъ. Оно состоитъ въ продолженіи невозвратимаго возраста нравственнаго развитія (приблизительно между 10 и 19 годами) посредствомъ постояннаго примѣра и надзора, неуклоннаго и неизмѣннаго направленія, строгаго распредѣленія времени даже для развлеченій, въ поспитаніи воли; психологъ расклассифицировалъ бы элементы воспитанія характера на 20 подраздѣленій: всѣ ихъ можно резюмировать въ умѣніи, въ привычкѣ, укрѣпившейся, какъ вторая натура, безъ усилія, безъ боли, безъ внутренней борьбы, *самого себя принуждать, самому себѣ отказывать.*

Разницу между обученіемъ и воспитаніемъ ярко освѣтили японцы: 40 лѣтъ тому назадъ ихъ ученыя свѣтила не знали того, что зналъ у насъ 12-ти-лѣтній мальчикъ. Но они прошли тысячелѣтнее воспитаніе.

Какъ же производится эта нравственная тренировка нашего обыкновеннаго гимназиста, особенно въ провинціи, въ средне зажиточныхъ семьяхъ? Мимо этой картины всякій проходитъ, но не обращаетъ вниманія. А стоитъ остановиться около нея, ее освѣтить.

Десятилѣтняго мальчишку, немножко уже избалованнаго мамашею, сдаютъ въ гимназію; родители его содержатъ дома или сдаютъ съ подряда какому-либо „супопродавцу", который себѣ составляетъ малый бюджетикъ на счетъ полудюжины молодыхъ желудковъ; въ обоихъ случаяхъ считается, что дѣло готово;—родители и супопродавецъ знаютъ только, что мальчика нужно (одного, безъ надзора) въ 8 ч. утра отправить въ гимназію, въ половинѣ 2-го подкормить, вечеромъ спросить: „Васька, уроки приготовилъ?" Остальное дѣло казны. Родители или супопродавецъ преспокойно предаются своимъ занятіямъ или развлеченіямъ: мальчику остаются въ будни съ половины 2-го пополудни до 10 ч. веч. — восемь съ половиною часовъ, изъ коихъ для средне развитого достаточно полутора часовъ для приготовленія заданныхъ уроковъ; въ многочисленные праздничные дни— весь день. Чѣмъ онъ его заполняетъ? Въ чьемъ обществѣ онъ вращается, слѣдовательно, кто его дѣйствительно воспитываетъ? До 15-16 лѣтъ кухарка или камердинеръ. Послѣ— старшіе товарищи, молодые кутилы или начинающіе карьеру эсеры и максималисты.

Потому то „студенты не штудируютъ", потому 12 человѣкъ прислуги работаютъ за 3-хъ... и все, что за этимъ слѣдуетъ.

Какъ этому помочь?

Вижу только одно средство. Если для женскаго воспитанія, гдѣ донынѣ имѣется въ виду скорѣе сохраненіе и развитіе необходимыхъ въ семейной жизни мягкости нрава и скромности, чѣмъ энергіи, домашнее воспитаніе вездѣ предпочитается пансіонному, то для мальчиковъ гимназическаго возраста даже въ странахъ, гдѣ нравственная дрессировка уже составляетъ общую традицію, признано, что домашнее воспитаніе не выдерживаетъ сравненія съ интернатомъ, даже когда у родителей есть средства на содержаніе спеціальнаго, дѣйствительнаго педагога, ибо еще недостаетъ эмуляціи и

постояннаго соприкосновенія (даже конфликтовъ и дракъ) съ товарищами.

У насъ, гдѣ существуетъ очень мало интернатовъ, и притомъ исключительно казенные, я однако замѣтилъ, что ихъ воспитанники, изъ кадетскихъ корпусовъ безусловно, и даже изъ болѣе или менѣе уроненныхъ въ общественномъ мнѣніи правовѣдѣнія, лицея и пажескаго корпуса, все-таки болѣе приближаются къ типу молодого, владѣющаго собой мужчины, чѣмъ средній гимназистъ.

О программахъ такихъ интернатовъ я ничего не скажу. Между французскимъ типомъ, гдѣ все почти посвящается умственнымъ упражненіямъ, и англійскимъ, гдѣ слишкомъ много отводится времени физическимъ, нашлась бы средняя мѣра; но и тамъ даже забавы имѣютъ характеръ опредѣленныхъ до тонкости писанными уставами спортовъ, благодаря которымъ мальчикъ привыкаетъ даже среди веселья къ наблюденію надъ собою, дисциплинѣ, коллективнымъ усиліямъ.

Въ существующихъ же гимназіяхъ программы должны быть передѣланы болѣе въ направленіи углубленія, чѣмъ расширенія, такъ, чтобы мальчики имѣли меньше празднаго, т. е. опаснаго времени: никакъ не менѣе 10 часовъ обязательныхъ умственныхъ занятій. Я уже слышу модное восклицанье: переутомленіе!!.... и смѣло отвѣчаю: умственное переутомленіе нашихъ юношей — это наглая или веселая ложь закутившихся молодыхъ плутовъ. Сравнивая мои личныя воспоминанія и мои наблюденія надъ занятіями нѣсколькихъ, въ россійскихъ гимназіяхъ воспитанныхъ, молодыхъ людей, бывшихъ подъ моею опекою, могу предъявить разсчетъ ихъ переутомленія и моего.

Въ продолженіе 8 лѣтъ мы, подъ звонъ оглушительнаго колокола, вставали зимою въ $5^1/_2$ ч., лѣтомъ въ 5 час. утра; полчаса для туалета, полтора (или два) часа приготовленія, подъ надзоромъ, уроковъ, и репетиція — четверть часа для перваго завтрака, столько же на переходъ въ лицей (гимназію). Два часа (отъ 8 до 10) уроковъ, четверть часа для возвращенія домой, 1 ч. приготовленія, $^1/_2$ часа для второго завтрака, 1 ч. забавы, три раза въ недѣлю взамѣнъ забавъ гимнастика, фехтованіе или ѣзда верхомъ въ манежѣ; 1 часъ приготовленія, четверть часа переходъ въ лицей,

2 часа уроковъ (отъ 2 до 4) четверть часа возвращеніе, 1 часъ приготовленія, три четверти часа для обѣда, полчаса забавы, два съ половиной часа приготовленія, въ 9 часовъ, спать. Итого—11 часовъ зимою, 11 съ половиною лѣтомъ, умственныхъ занятій подъ безпрерывнымъ надзоромъ.

Мои же гимназисты имѣли пять часовъ занятій въ гимназіи, и я убѣдился, что при достаточныхъ способностяхъ имъ вполнѣ хватало дома полутора часовъ для приготовленія уроковъ: конецъ. Итого, шесть съ половиной часовъ. Но такъ какъ у насъ было въ продолженіе года 248 (152 зимнихъ, 96 лѣтнихъ) учебныхъ дней, а у нихъ, благодаря трехмѣсячнымъ вакаціямъ, рождественскимъ и пасхальнымъ праздникамъ, безконечному числу церковныхъ праздниковъ, царскихъ дней и т. п.—всего 181 день, то мы за 8 лѣтъ работали 22.208 часовъ, а они же 9412. Присчитавъ сюда, сколько такъ тренированный среднiй юноша могъ безъ страданія самъ себѣ опредѣлить труда въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (конечно, за отсутствіемъ всякихъ освободительныхъ сходокъ и митинговъ) и сколькимъ довольствуется нашъ студентъ даже выше чѣмъ средняго разряда, выходитъ, что 12 лѣтъ гимназическаго и университетскаго ученія нашего молодого человѣка стоятъ не болѣе пяти съ половиной лѣтъ тамошняго.

Однако, Тьеры, Гизо, Момзены, Гладстоны такъ работали до преклонныхъ лѣтъ, и въ крайней старости, постигнутые всевозможными физическими недугами, на умственномъ ипподромѣ оставили бы за флагомъ сотни нашихъ переутомляющихся юныхъ реформаторовъ.

Да, многіе изъ нашихъ безусыхъ питомцевъ науки носятъ внѣшніе признаки не только утомленія, но и какой-то дѣтской дряхлости.—Ихъ переутомила не наука: гораздо болѣе разрушительно дѣйствуетъ на многихъ, къ несчастью, ужасная нищета, недостатковъ пищи и чистаго воздуха. На прочихъ именно праздность (вѣдь лацароне зѣваетъ и вытягиваетъ руки, утомленный дреманьемъ на солнцѣ), безконечныя ночныя бесѣды среди табачнаго дыма и водки, на темы „что такое жизнь—и будущность народа“, преждевременный развратъ и пьянство, постыдныя болѣзни *).

*) Недавній случай съ гимназистомъ, проживавшимъ одиноко въ гостиницѣ и найденнымъ мертвецки пьянымъ при трупѣ убитаго имъ товарища,—это фактъ буквально невозможный за предѣлами Россіи.

Какимъ путемъ учредить предполагаемые интернаты? Мнѣ думается, что министерство народнаго просвѣщенія должно было бы учредить соотвѣтствующее число ихъ (съ репетиторами, но при общихъ гимназіяхъ) или въ каждомъ губернскомъ городѣ, или по областямъ (это вопросъ статистики) для зажиточныхъ дѣтей, способныхъ покрыть довольно высокія, даже сверхъ субсидіи, издержки. И кромѣ того, выработать общія правила для учрежденія частными лицами, пользующимися научнымъ цензомъ и одобренными попечителями, болѣе скромныхъ, или, наоборотъ, еще болѣе изящныхъ интернатовъ, которые, взамѣнъ соблюденія извѣстныхъ условій матеріальнаго устройства, программы и дисциплины, получали бы субсидію отъ министерства или отъ земствъ.

Однако жъ этого недостаточно. Для гимназіи и для такихъ интернатовъ необходимо подготовить иныхъ преподавателей, чѣмъ тѣ, которые выходятъ со степенью кандидатовъ изъ нашихъ университетовъ, къ тому еще на долгое время превращенныхъ въ революціонныя лабораторіи.

Я долженъ признать, что, по моимъ наблюденіямъ, за послѣднія десятилѣтія педагогическій персоналъ въ гимназіяхъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ, Даже въ злосчастныхъ областяхъ, гдѣ все, не исключая нравственности, отступаетъ передъ химерой насильственнаго „обрусенія“,—у громаднаго числа преподавателей старый классическій типъ учителя-капрала замѣнился многими добросовѣстными, любящими дѣтей, педагогами, имѣющими высокое понятіе о своемъ благородномъ призваніи. Но съ научной точки зрѣнія, они слабы. Неудивительно: благодаря вышеприведенному разсчету, средній кандидатъ нашихъ университетовъ едва равняется по своему научному багажу хорошему двадцатилѣтнему, изъ 15 передовыхъ на 50-60 въ классѣ, молодому человѣку, достигшему въ Берлинѣ своей „матуры“ или въ Парижѣ baccalauréat complet.

Необходима, особенно въ нынѣшнихъ условіяхъ, нормальная школа, дисциплинированный интернатъ съ извѣстнымъ числомъ свободныхъ часовъ выхода. Въ этомъ отношеніи Парижская Ecole Normale Supérieure представляетъ такой безпримѣрный въ Европѣ научный разсадникъ ($^{9}/_{10}$ великихъ ученыхъ и писателей послѣдняго пятидесятилѣтія вышли изъ нея), что можно было бы почти ее скопировать.

Я особенно остановился на этомъ предметѣ, поддерживаемый сильнымъ убѣжденіемъ. Предвижу, что многое изъ мною высказаннаго иные читатели найдутъ страннымъ, даже дикимъ. Все-таки вѣрю, что, призадумавшись, они признаютъ, что предполагаемая реформа можетъ современемъ дать лучшіе плоды, чѣмъ простое перемѣщеніе права на лѣнь, произволъ и взятки—отъ низшихъ служащихъ бюрократическаго масонства къ такимъ же парламентарнаго или земскаго.

VII. Вопросы гражданскаго права.

Несовершенства нашего гражданскаго права всѣмъ извѣстны; извѣстно тоже, что болѣе 20 лѣтъ вырабатывается проектъ новаго гражданскаго уложенія. Я не прочь отъ мысли, чтобы Государственный Совѣтъ воспользовался своимъ правомъ почина для оказанія давленія на правительство и заставилъ его вывести, наконецъ, этотъ проектъ на законодательный путь. Болѣе всего несовершенными или устарѣлыми являются право семейное и обязательства. Первое уже въ части затронуто новыми законами о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, и предполагается измѣненіе законодательства о смѣшанныхъ бракахъ. Есть двѣ части проектируемаго уложенія, о которыхъ можно сказать, что существующее нынѣ законодательство совершенно, или почти совершенно, ихъ игнорируетъ: это право ипотечное (такъ-называемый вотчинный уставъ) и право о наймѣ имуществъ (аренды).

Второй совершенно готовъ: въ 1902 году я его подробно разсматривалъ въ печатномъ докладѣ состоящей подъ моимъ предсѣдательствомъ подкомиссіи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности; онъ нуждается въ небольшихъ поправкахъ, чтобы получитъ сейчасъ примѣненіе. Онъ можетъ быть обнародованъ, несмотря на могущія произойти даже крупныя перемѣны въ существующихъ формахъ землевладѣнія, потому что онъ можетъ примѣняться не только къ земельнымъ, но и ко всякимъ недвижимымъ имуществамъ, а сдавать въ аренду можетъ не только собственникъ, но и неполный, даже срочный, владѣлецъ. Что же касается вотчиннаго устава, который долженъ быть, согласно министер-

ской программѣ 6-го марта, внесенъ на обсужденіе законодательныхъ палатъ, то несомнѣнно, что предполагаемые среди лѣвыхъ партій перевороты въ нынѣшнихъ формахъ землевладѣнія могли бы совершенно разстроить его основы и, можетъ быть, было бы лучше съ нимъ повременить.

VIII. Отмѣна п. 10-го ст. 973 уст. гражд. судопр.

Этотъ скромный пунктъ есть ничто иное, какъ habeas corpus недобросовѣстности и хищничества для 90 милліоновъ человѣкъ: при всякихъ денежныхъ взысканіяхъ по исполнительнымъ листамъ, выданнымъ судебною властью, онъ признаетъ за волостнымъ старшиною право, ничѣмъ не ограниченное и фактически безапелляціонное (до рѣшенія жалобы должникъ успѣетъ скрыть свое имущество), устранять взысканія со всякаго по его усмотрѣнію движимаго имущества должника подъ предлогомъ, что оно ему необходимо.

Могу только здѣсь повторить то, что я писалъ объ этомъ пунктѣ въ упомянутомъ докладѣ 1902 года (пунктъ „е“— охрана сельскохозяйственной собственности):

„Въ этомъ именно отсутствіи гражданской отвѣтственности и кроется главное зло; пока оно не будетъ устранено, всѣ возможныя уголовныя или полицейскія мѣры пресѣченія крестьянскихъ захватовъ и злоупотребленій совокупно не окажутъ и половины тѣхъ результатовъ, которыхъ можно съ увѣренностью ожидать—отъ сознанія собственнаго интереса. Благодаря редакціи ст. 973 п. 10 уст. гр. судопр. и придаваемой ей на практикѣ интерпретаціи, нынѣ громадное большинство русскаго народонаселенія состоитъ въ своихъ имущественныхъ отношеніяхъ къ меньшинству одновременно и полноправными и безотвѣтственными людьми: достаточно имъ для этого голословнаго заявленія ихъ же брата— волостного старшины, что ихъ имущество въ *неограниченномъ количествѣ* необходимо для ихъ хозяйства. То, чего не могутъ сдѣлать даже Правительствующій Сенатъ и Государственный Совѣтъ, т. е. освободить частное лицо отъ исполненія гражданскаго судебнаго рѣшенія, то самое можетъ въ каждой деревнѣ сдѣлать простолюдинъ, на три года облеченный званіемъ волостного старшины. Благодаря

этому, крестьянинъ можетъ спокойно обманывать гражданъ другихъ сословій, причинять имъ путемъ потравы, порубки, захвата, истребленія всякіе убытки и спокойно пользоваться плодами своихъ похищеній, всякій разъ укрѣпляя въ народномъ понятіи убѣжденіе, что крестьянину нечего опасаться ни закона, ни суда.

Для такой чрезвычайной привилегіи защитники ея находятъ только два, слишкомъ слабыхъ, основанія: 1) желаніе освободить крестьянъ отъ эксплоатаціи кулаковъ, и 2) желаніе обезпечить ихъ хозяйства во избѣжаніе податныхъ недоимокъ. Первый аргументъ по всей справедливости требовалъ бы признанія за всякими мѣщанскими, дворянскими и пр. сословными представителями права устранять взысканія по судебнымъ рѣшеніямъ; во всѣхъ сословіяхъ лѣнивые, наивные, кутящіе и даже просто несчастные люди попадаютъ въ руки ростовщиковъ, всякихъ эксплоататоровъ, сарафанныхъ и фрачныхъ ростовщиковъ. А кулаки не нуждаются въ судебномъ приставѣ; они имѣютъ вѣрныхъ союзниковъ въ порокахъ, легкомысліи, бѣдности и невозможности для ихъ жертвъ избѣгнуть ихъ разорительной помощи. Съ другой стороны, сравнительно крошечный интересъ казны не стоитъ деморализаціи всего народа путемъ такого косвеннаго покровительства всѣмъ слабымъ и дурнымъ человѣческимъ инстинктамъ.

Во многихъ очень демократическихъ странахъ никакого исключенія отъ послѣдствій экзекуціи судебныхъ рѣшеній не существуетъ. Тамъ, гдѣ таковое допускается, оно не имѣетъ сословнаго характера, т. е. характера односторонней протекціи, а не справедливости, и ограничивается: въ нѣкоторыхъ жилою усадьбою (homestead), въ другихъ—самою необходимою рухлядью. Такова, впрочемъ, и наша ст. 973 уст. гр. судопр. въ первоначальной формѣ (1864 г.).

При болѣе близкомъ разсмотрѣніи этого радикальнаго вопроса нужно точно различать:

а) взысканія вслѣдствіе личныхъ или наслѣдственныхъ обязательствъ по договорамъ, для которыхъ можно допустить нѣкоторую снисходительность, во-первыхъ, потому, что несостоятельность можетъ быть совершенно не зависящая отъ воли должника, во-вторыхъ, что кредиторъ могъ впередъ взять въ разсчетъ возможность неисполненія.

б) Взысканія за убытки по произвольнымъ дѣяніямъ, особенно такимъ, которыя предусмотрѣны уголовными законами: для нихъ нужно быть безпощаднымъ, и потому, что виновный имѣетъ всегда возможность не совершать вредныхъ дѣяній, и потому, что такая снисходительность для виновнаго составляетъ грубую несправедливость для его жертвы, и потому, наконецъ, что, ставъ на этотъ путь, слѣдовало бы освобождать отъ тюрьмы и каторги воровъ и убійцъ, коль скоро старшина засвидѣтельствуетъ (что гораздо болѣе вѣрно), что ихъ трудъ необходимъ для ихъ хозяйства.

Кромѣ того, подобное изъятіе изъ общихъ началъ гражданскаго права должно бы быть дѣломъ не чьей-либо личной фантазіи, а самого закона.

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія, чтобы законъ, который въ 9 пунктахъ ст. 973 уст. гр. судопр. потрудился опредѣлить предметы не подлежащіе описи для должниковъ всѣхъ сословій, не могъ такъ же само поступить и для крестьянъ, и оказывалъ болѣе довѣрія волостному старшинѣ, чѣмъ самому себѣ".

Все сказанное въ 1902 году и сейчасъ имѣетъ основаніе; но съ того времени прибавился еще одинъ могущественный аргуменъ: это законъ 5 ноября 1906 года о совершенномъ устраненіи всякихъ ограниченій для лицъ крестьянскаго сословія. То же самое можно сказать о политическихъ законахъ 6 августа и 11 декабря 1905 года. Сохраненіе п. 10-го ст. 973 должно бы исключить крестьянское сословіе отъ какого-либо, въ какой-либо мѣрѣ участія въ выборахъ народныхъ представителей. Этотъ пунктъ не имѣетъ другого смысла и оправданія, какъ только слѣдующее: онъ признаетъ всѣхъ крестьянъ по отношенію ко всѣмъ другимъ, даже болѣе бѣднымъ гражданамъ — малолѣтними. А малолѣтніе нигдѣ политическими правами не пользуются.

IX. Развитіе сельскохозяйственныхъ учрежденій.

Только послѣ достопамятнаго голода 1891—2 гг. проникла въ руководящія сферы мысль, что пользованіе землею и производство на ней разныхъ родовъ съѣстныхъ и другихъ продуктовъ не составляютъ родъ естественнаго явле-

нія, не вызывающаго особаго усилія или наблюденія, но что есть сельскохозяйственная промышленность и сельскохозяйственная наука. Результатомъ этого признанія было... удлиненіе названія одного изъ министерствъ, учрежденіе при немъ новаго департамента и утвержденіе соотвѣтствующихъ штатовъ. Но когда захотѣлось перенести дѣятельность министерства земледѣлія отъ паркетной его почвы на почву безъ прилагательнаго, сейчасъ самыя лучшія намѣренія наткнулись на непреодолимое препятствіе... недостатокъ средствъ. Двѣнадцатилѣтняя дѣятельность статсъ-секретаря А. С. Ермолова, какъ министра земледѣлія, была длинною борьбою съ этою органическою немощью. Ему удалось произвести, въ видѣ доказательства передъ населеніемъ того, что можно бы сдѣлать, нѣсколько очень цѣнныхъ меліорацій въ любопытныхъ, отдаленныхъ мѣстностяхъ (орошеніе въ Туркестанѣ, садоводство на Кавказѣ, осушеніе нѣкоторыхъ болотъ); но донынѣ десятки исключительно земледѣльческихъ губерній знаютъ о существованіи своего спеціальнаго министерства только по штемпелю на бланкахъ со статистическими запросами. Это фасадъ безъ зданія сзади и штабъ безъ войскъ. Оно не имѣетъ никакихъ собственныхъ представителей въ губерніяхъ, тѣмъ болѣе въ уѣздахъ, ибо состоящіе всего чаще по одному на двѣ губерніи управляющіе государственными имуществами и ихъ подчиненные не считаютъ себя агентами департамента земледѣлія. Они ограничиваютъ свою дѣятельность управленіемъ казенными имуществами и лѣсами, и въ дѣйствительности, отъ нихъ болѣе требовать нельзя.

Въ 1906 г. бюджетъ расходовъ департамента земледѣлія немного превосходилъ 5 милліоновъ. На 1907 г. смѣта еще сократилась. Какую часть этой суммы можно считать дѣйствительно производительной, позволяетъ судить слѣдующее сопоставленіе: содержаніе спеціалистовъ, числящихся при центральномъ управленіи, стоитъ 127.775 р., а на содержаніе такихъ же спеціалистовъ *при мѣстныхъ учрежденіяхъ* остается всего 45.685 р. Осушка болотъ, орошеніе и обводненіе земель въ Европейской Россіистоитъ...?—Полтораста милліоновъ, хотя бы пятьдесятъ, хотя бы три? Всего 282.023 рубля, изъ коихъ: на личный составъ 105.063 р., а на производство

самихъ работъ (хозяйственно-операціонные расходы) 176.960 р. Было бы маловато для осушенія одного крупнаго имѣнія Витебской или орошенія такого-же въ Уфимской губерніи.

Само собою разумѣется, что безъ центральнаго управленія обойтись нельзя, и что оно стоитъ денегъ. Но оно оправдывается на столько, на сколько оно имѣетъ средства дѣйствительно воздѣйствовать на состояніе земледѣлія.

Едва ли стоитъ доказывать, что главная дѣятельность и главные расходы такого вѣдомства, какъ министерство земледѣлія, должны проявляться и быть производимы не въ столицѣ, а въ провинціи, и что въ странѣ, почти исключительно земледѣльческой, такое управленіе должно прежде всего развѣтвляться по всей странѣ, иначе оно не оправдываетъ своего существованія. Учрежденіе отдѣльныхъ губернскихъ инспекторовъ, обязанныхъ оставаться въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ обществами сельскаго хозяйства и земствами—уѣздныхъ агрономовъ—инструкторовъ—низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ и образцовыхъ фермъ не менѣе, чѣмъ по одной на губернію, непосредственно руководимыхъ тѣми же обществами или земствами (иначе они рискуютъ раздѣлить участь коннозаводскихъ конюшенъ, о которыхъ будетъ дальше рѣчь) составляютъ стереотипныя основы первоначальной организаціи. Дальнѣйшее развитіе будетъ, конечно, во многомъ зависѣть отъ оказанныхъ такими учрежденіями земледѣлію дѣйствительныхъ услугъ.

X. Государственное коннозаводство.

Съ точки зрѣнія дѣйствительно приносимой странѣ пользы, управленіе государственнаго коннозаводства вызываетъ еще больше критики не только потому, что оно существуетъ уже очень давно, но и потому, что здѣсь именно, какъ доказываютъ нѣкоторыя аналогическія, но основанныя на началѣ ассоціаціи учрежденія (напр., въ Гольштейнѣ и Ольденбургѣ), можно сдѣлать очень много съ очень скудными средствами. Все собственно сводится къ содержанію и распредѣленію достаточнаго количества улучшенныхъ жеребцовъ-производителей; главный расходъ, конечно, состоитъ въ ихъ содержаніи. А при нѣкоторой доброй волѣ, и дружелюбномъ от-

отношенiи къ нимъ со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ учрежденiя, коннозаводчики обыкновенно готовы содержать жеребцовъ даромъ или почти.

Государственное коннозаводство у насъ пользуется, сверхъ своихъ собственныхъ доходовъ, и не считая субсидiй отъ земствъ для такъ называемыхъ земскихъ конюшенъ, приплатою отъ государства свыше полутора миллiоновъ. Съ меньщею субсидiею (3 мил. марокъ) Пруссiя содержитъ три тысячи сто отличныхъ жеребцовъ, Францiя при пяти миллiонахъ франковъ субсидiи (и большой дороговизнѣ фуража)— три тысячи пятьсотъ. Здѣсь и тамъ, при покрытыхъ среднимъ числомъ 85 маткахъ и 55 приплодахъ (а сколько тамъ отличныхъ частныхъ производителей!) третья часть рождающихся во всей странѣ жеребятъ происходитъ отъ государственныхъ производителей.

У насъ, если не смотрѣть на статистику, о достовѣрности которой всякiй знаетъ, а на дѣйствительность, едва ли одинъ % ежегоднаго приплода падаетъ на долю подчиненныхъ государственному коннозаводству конюшенъ. На сколько это учрежденiе полезно для ремонта Высочайшей конюшни или для снабженiя дешевыми и красивыми верховыми лошадьми нѣкоторыхъ кавалеристовъ, безынтересно, это собственное дѣло Министерства Императорскаго Двора или Военнаго. Съ точки зрѣнiя же коневодства можно сказать, что практическое воздѣйствiе этого вѣдомства, внѣ шикарнаго скакового дѣла, сводится почти къ нулю.

Вопросъ о коневодствѣ вовсе не „баня или оранжерея“, какъ я слышалъ на собранiи группы центра Государственнаго Совѣта. Благодаря постоянному исчезновенiю юго-восточной степи (юго-западной давнымъ давно уже нѣтъ), благодаря вздорожанiю коневодства въ сравненiи со скотоводствомъ въ западныхъ странахъ, выражающемуся въ возростающемъ спросѣ и въ повышенiи цѣнъ на нашихъ лошадей, благодаря ненадежности вслѣдствiе бездорожья и снѣговъ, широкаго у насъ примѣненiя механической тяги, коневодство можетъ у насъ, наряду со скотоводствомъ, во всей нечерноземной части Имперiи занять первенствующее передъ производствомъ хлѣбовъ мѣсто въ земледѣлiи.

Но здѣсь требуется не реформа, а полная метаморфоза. Главныя ея черты должны быть слѣдующiя: а) государствен-

ное коннозаводство должно быть не отдѣльнымъ институтомъ, гораздо болѣе интересующимся нѣсколькими десятками спортсмэновъ, чѣмъ милліонами коневодовъ, а видною отраслью земледѣльческой организаціи, и, какъ таковая, подчинено министру земледѣлія. Спеціальные же заводы могли бы остаться въ вѣдѣніи министерства Императорскаго Двора. Слѣдовательно, и персоналъ преобразованнаго управленія долженъ состоять не преимущественно изъ эксъ-кавалеристовъ, а, какъ въ Пруссіи и Франціи, изъ спеціалистовъ по зоотехникѣ и иппологіи (во Франціи они обязательно выходятъ изъ спеціальной école des haras при Главномъ Депо du Pin (въ Нормандіи).

б) Провинціальные органы управленія должны стоять въ тѣсной связи съ коннозаводчиками и вообще съ мѣстнымъ населеніемъ; ихъ совѣты должны состоять не изъ назначенныхъ, по представленію самого контролируемаго управляющаго, псевдо-спортсмэновъ, разъ въ годъ подписывающихъ на вѣру журналы, но изъ выборныхъ делегатовъ земствъ, обществъ коневодства или сельскаго хозяйства, и пользоваться рѣшающимъ голосомъ въ опредѣленіи породы производителей, способа ихъ пріобрѣтенія, содержанія и распредѣленія на пункты.

в) Очень дорогая система содержанія жеребцовъ должна составлять исключеніе, а общимъ правиломъ должна быть субсидія лицамъ, согласнымъ содержать у себя улучшенныхъ производителей.

г) Случные пункты должны обязательно быть постоянными, а не перемѣняться изъ года въ годъ по отношенію и къ мѣстности и къ составу производителей.

Разъ эти начала были бы приняты, разработка детальнаго органическаго закона не представляла бы никакого затрудненія. Здѣсь тоже имѣются готовыя модели.

Вопросъ объ употребленіи мѣстныхъ языковъ въ девяти западныхъ губерніяхъ.

Этотъ вопросъ, принціпально рѣшенный Высочайшимъ Указомъ 1-го мая 1905 г., вновь обострился, вслѣдствіе очень неудачнаго и, какъ объясню, неправильнаго вмѣшательства прежняго Государственнаго Совѣта въ засѣданіи 27 марта 1906 года.

Отъ новаго Государственнаго Совѣта я ожидаю не только исправленія ошибки прежняго, но и окончательнаго разграниченія необходимыхъ правъ Государства и уважительныхъ правъ мѣстнаго населенія.

Въ настоящій моментъ вопросъ стоитъ какъ слѣдуетъ:

Въ силу Высочайшаго Указа 1 мая 1905 г. и связаннаго съ нимъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета министровъ того же дня, предоставляется „министрамъ и главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, безъ замедленія, и во всякомъ случаѣ не позднѣе 6-ти мѣсяцевъ со дня утвержденія сего положенія: 1) распорядиться отмѣною стѣсняющихъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ Западномъ краѣ и не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, и 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу пользованія мѣстнымъ языкомъ административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображенію государственнаго порядка, они признаютъ необходимыми, испросить на утвержденіе оныхъ чрезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее Его Величества соизволеніе".

До рокового дня 1-го ноября 1905 г., указаннаго законодателемъ какъ послѣдній срокъ для представленія какихъ либо *ограничительныхъ* мѣръ, никакихъ подобныхъ предложеній въ Государственный Совѣтъ не поступило. Наконецъ, министръ внутренихъ дѣлъ П. Н. Дурново внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе (за № 2226 по канцеляріи

министра), носящее число 21 ноября 1905 г. Это предложеніе поступило *послѣ* истеченія крайняго срока, опредѣленнаго закономъ 1 мая; слѣдовательно, Государственный Совѣтъ долженъ былъ его не разсматривать, или принять его какъ максимумъ допустимыхъ ограниченій, и признать, что отнынѣ никакія, не основанныя на самомъ законѣ, ограниченія существовать не должны. Впрочемъ, министръ внутреннихъ дѣлъ желалъ только санкціонировать установившуюся ко всеобщему удовольствію практику и предложилъ слѣдующіе три пункта:

1. Частныя общества, различнаго наименованія, дѣйствующія въ предѣлахъ девяти губерній Западнаго края, обязаны излагать обращаемыя ими къ правительственнымъ мѣстамъ или лицамъ ходатайства и заявленія на русскомъ языкѣ.

2. Означенныя въ п. 1 установленія должны содержать надлежаще удостовѣренные переводы на русскій языкъ всѣхъ книгъ и документовъ, подлежащихъ, на основаніи ихъ уставовъ, контролю или ревизіи правительства.

3. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, какъ въ дѣлопроизводствѣ, такъ и при обсужденіи вопросовъ въ общихъ собраніяхъ членовъ обществъ и собраніяхъ уполномоченныхъ, а равно въ засѣданіяхъ органовъ управленія обществъ допускается пользованіе тѣмъ или другимъ мѣстнымъ языкомъ по постановленію общаго собранія членовъ обществъ.

Но Государственный Совѣтъ, по собственному почину, за нимъ указомъ 1-го мая не признанному, значительно обострилъ предложеніе министра и, возвращаясь назадъ, не стѣсняясь нисколько истеченіемъ опредѣленнаго закономъ шестимѣсячнаго срока, высказалъ одобреніе только двумъ первымъ пунктамъ проекта министра, третій же измѣнилъ и представилъ на Высочайшее утвержденіе мнѣніе (далеко не единогласное), въ силу котораго, за исключеніемъ одной только Ковенской губерніи, словесныя пренія въ собраніяхъ частныхъ обществъ и въ засѣданіяхъ ихъ правленій должны производиться тоже исключительно на русскомъ языкѣ.

Немедленнымъ послѣдствіемъ такой отмѣны уже вошедшихъ въ обычай льготъ было то, что общества сельскаго хозяйства перестали собираться. Въ сентябрѣ 1906 г. на общемъ собраніи виленскаго общества сельскаго хозяйства польскій языкъ опять употреблялся, вслѣдствіе компромисса,

согласно которому собраніе было оффиціально открыто на русскомъ языкѣ, сейчасъ превращено въ частное совѣщаніе на польскомъ, а къ концу опять резолюціи провозглашены на русскомъ· Но въ декабрѣ даже такая комбинація не была допущена. Поэтому, собравшіеся сельскіе хозяева разошлись, не входя въ зало засѣданій, и очень полезное общество сельскаго хозяйства (иногда для самой мѣстной администраціи за отсутствіемъ земствъ) совершенно бездѣйствуетъ.

Неопредѣленность положенія выразилась и другимъ, доходящимъ уже до комизма, образомъ: въ Вильнѣ собралось частное предвыборное собраніе, на польскомъ языкѣ. Представитель полиціи его разогналъ. Жалоба предсѣдателя собранія на имя министра внутреннихъ дѣлъ П. А Столыпина; въ отвѣтъ, разрѣшеніе употребленія любого языка на предвыборныхъ собраніяхъ, какъ не составляющихъ непремѣнный элементъ выборной процедуры и не имѣющихъ, слѣдовательно, оффиціальнаго характера. Генералъ-губернаторъ сообщаетъ объ этомъ циркулярно, для руководства, своимъ губернаторамъ. Результатъ: нѣсколько дней спустя, въ Гродненской губерніи, другой полицейскій агентъ опять разгоняетъ предвыборное собраніе по той же причинѣ, предсѣдатель собранія жалуется губернатору, а губернаторъ, получившій уже инструкцію генералъ-губернатора, обращается по телеграфу, черезъ голову своего прямого начальника, уже не къ министру В. Д., а къ его товарищу, который преспокойно отвѣчаетъ: что предвыборныя собранія составляютъ именно часть выборнаго производства, слѣдовательно, употребленіе на нихъ мѣстныхъ языковъ безусловно недопустимо,—иначе говоря, что министръ законовъ не понимаетъ, а онъ, товарищъ, лучше знаетъ.

Это уже бюрократическая анархія въ полной своей красотѣ.

Я не буду утруждать читателей неоспоримымъ, мнѣ кажется, но немного пространнымъ изложеніемъ причинъ, по которымъ за Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 27 марта 1906 г. (впрочемъ, изданнымъ уже послѣ обнародованія основныхъ законовъ 20 февраля 1906 года) нельзя признать обязательной силы, несмотря на Высочайшее утвержденіе: и это не только съ точки зрѣнія конституціонной, но даже съ точки зрѣнія правовой абсо-

лютной монархіи западно-европейскаго типа, какою слѣдовало считать Россію уже со дня торжественнаго Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, въ противоположность къ восточному типу, главною чертою котораго является именно то, что нѣтъ никакой разницы между формами изъявленія всемогущей Воли и нѣтъ рекурса „отъ неосвѣдомленнаго до освѣдомленнаго Кесаря“. Но я утверждаю, что и въ интересахъ государства, и въ интересахъ народонаселенія девяти губерній, и ради уваженія къ законности пора выяснить законодательнымъ путемъ этотъ напрасно раздражающій милліоны людей вопросъ о границахъ между государственными и мѣстными языками.

Какія должы быть основныя начала такого узаконенія? Кажется, что есть исходный пунктъ, на которомъ должны согласиться и мѣстные жители, дорожащіе свободою своего языка, но уважающіе чужую свободу и интересы государства, равно какъ и русскіе люди, дорожащіе признаніемъ за своимъ языкомъ первенствующаго значенія, но достигшіе той степени гражданскаго развитія, при которой униженіе и напрасное преслѣдованіе чужихъ языковъ считаются признакомъ не патріотизма, а только фанатизма.

Формула была бы слѣдующая: признать государственный языкъ обязательнымъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ проявленіяхъ оффиціальной жизни. А за мѣстными языками признать всякія права и всякую толеранцію, которыми пользуются даже иностранные языки, напр., нѣмецкій или французскій. Относительно всякихъ частныхъ обществъ и союзовъ это вело бы къ принятію предложеній статсъ-секретаря П. Н. Дурново. Въ сферѣ обученія, къ признанію русскаго языка, какъ преподавательнаго, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ государственныхъ средствъ, съ допущеніемъ, по желанію, обученія мѣстнымъ языкамъ, въ видѣ добавочныхъ уроковъ. Въ частныхъ же (особенно женскихъ) школахъ, содержащихся на частныя средства, хотя бы подъ надзоромъ попечительства, къ допущенію преподаванія на мѣстныхъ языкахъ, съ обязательнымъ обученіемъ русскому, и т. д. Прочее —дѣло детальной разработки.

Въ Западномъ краѣ послѣ 1831 года, а особенно послѣ 1863 было закрыто или отобрано множество римско-католическихъ костеловъ; благодаря огромному приросту народонаселенія, оно нынѣ крайне нуждается въ ихъ возвратѣ. Въ городахъ случается, что 12.000 прихожанъ имѣютъ только одинъ костелъ, тогда какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ два костела были едва достаточными для 4.000; въ деревняхъ приходится ѣхать на богослуженіе за 30 верстъ, имѣя у себя на глазахъ закрытый костелъ. Вопросъ о возвращеніи такихъ костеловъ не сходилъ съ очереди со дня изданія Высочайшаго Указа 17 апрѣля 1905 г., и замедленіе въ его рѣшеніи дѣйствуетъ раздражительно, особенно на крестьянское населеніе; ему-то слѣдуетъ приписать такія драмы, какъ недавно въ мѣстечкѣ Зельва, Гродненской губерніи, гдѣ 6 крестьянъ были убиты стражниками.

Такіе костелы слѣдуетъ раздѣлить на три категоріи: 1) Тѣ, которые были закрыты, но не освящены въ православныя церкви. 2) Тѣ, которые были освящены, но стоятъ закрытыми, всего чаще по недостатку прихожанъ. 3) Тѣ, которые были превращены въ православные храмы и служатъ своей цѣли.

Послѣдней категоріи я не касаюсь. Что же касается предыдущихъ двухъ, особенно первой, то мнѣ извѣстно, что правительство не находило препятствій къ передачѣ ихъ обратно католическому духовенству, и предполагало уже приступить къ ней въ порядкѣ „Верховнаго управленія“, но явилось затрудненіе въ совершеніи самой операціи передачи: она составляла бы отчужденіе, слѣдовательно, требуетъ участія законодательныхъ палатъ.

Соотвѣтствующій законопроектъ, кажется, уже готовъ, но онъ пріуроченъ къ цѣлому ансамблю законодательныхъ предположеній по вѣроисповѣдному вопросу, имѣющихъ цѣлью практически осуществить (насколько видно изъ декларации министерства, въ довольно либеральномъ духѣ) начала свободы совѣсти, провозглашенныя 17 апрѣля 1905 г. Можно предвидѣть, что, вслѣдствіе обилія вносимыхъ правительствомъ въ Государственную Думу законопроектовъ и тѣхъ, которые, вѣроятно, появятся по инициативѣ второй палаты, не говоря о бюджетѣ и разныхъ возможныхъ не-

ожиданностяхъ, разсмотрѣніе этого сложнаго законопроекта отсрочится на долгое время.

Между тѣмъ, если предполагаемый общій законъ не является до крайности спѣшнымъ, то вопросъ о возвращеніи вышесказанныхъ костеловъ съ каждымъ днемъ становится все болѣе раздражительнымъ. Его можно было бы выдѣлить, издавъ спеціальное объ этомъ узаконеніе, на основаніяхъ, сходныхъ съ тѣми, на которыхъ покоится, на сколько мнѣ извѣстно, проектъ правительства, именно:

Безусловная передача римско-католическому духовенству всѣхъ костеловъ, еще не освященныхъ въ православные храмы; большинство ихъ служитъ магазинами, архивами, жилыми помѣщеніями (напр., клубами) или просто они стоятъ пустыми.

Возвратъ тѣхъ костеловъ, которые хотя и освящены, но стоятъ закрытыми, подъ условіемъ, что прихожане выстроятъ по близости, на свой счетъ, часовню для перенесенія туда алтаря, св. мощей и вообще тѣхъ предметовъ, которые православные люди привыкли окружать особымъ благоговѣніемъ (антиминсъ).

Конечно, кромѣ вышеуказанныхъ, найдется еще очень, очень много предметовъ для полезной инициативы Государственнаго Совѣта. То тотъ, то другой изъ его членовъ выдвинетъ ихъ впередъ. Съ меня будетъ достаточно того, что я далъ первый толчекъ.

Что же касается практической процедуры, дѣло простое: мы часто встрѣчаемся—то на публичныхъ засѣданіяхъ, то на частныхъ совѣщаніяхъ, то въ комиссіяхъ. Сочувствующіе тому иди другому проекту члены Государственнаго Совѣта сообщатъ объ этомъ первоначальнымъ инициаторамъ, и коль скоро соберется тридцать единомышленниковъ, дѣло сорганизуется само собою.

